

*Эта книга посвящена читателям любовных историй
всего мира.*

*Ваша вера в надежду, любовь и счастливое
навсегда — это драгоценный дар.*

*Ваши неизменный оптимизм и преданность делают мир
ярче, и я благодарю вас.*

Дэвиду и Николасу, которые всегда в моем сердце.

ГЛАВА 1

Лондон, 1817

Лорд Мэтью Стрэтмор, граф Уиттингем, хлестнул кожаными поводьями и пустил быстрым галопом свою четверку серых в яблоках лошадей.

— Вы боитесь непогоды.

— Какое ценное замечание, Когз. — Уиттингем нетерпеливо вздохнул. — Ты не только выдающийся мастер на все руки, но и проницателен сверх меры, причем в любых обстоятельствах. — Он быстро отвел взгляд от бесконечной ленты дороги, чтобы взглянуть на сидящего рядом слугу. Когз был скорее другом, нежели камердинером; однако этот человек обладал талантом время от времени здорово злить графа, и сейчас, похоже, такое время как раз настало.

И чем больше удалялись они от Лондона, тем суровее становилась погода, из пронизывающе-холодной сделавшись почти морозной, и теперь, в эти последние несколько миль, каждый выдох, облачком вылетающий изо рта, напоминал путникам, что длительное пребывание на этом излишне свежем воздухе может закончиться для них весьма плачевно.

Еще хуже было то, что они находились вдали от знакомых оживленных дорог, где какой-нибудь упрямый — если не сказать безрассудный — путник мог бы наткнуться на их сраженные холодом, окоченевшие

трупы. Таким образом, единственная надежда добраться до пункта назначения раньше, чем наступит ночь, зависела от того, сумеет ли Уиттингем заставить своих чистокровных жеребцов припустить во весь опор.

— Вам будет теплее внутри кареты. У вас же ни шляпы, ни теплого кашне, а ветер кусается, что твоя собака; а ведь дело едва повернуло к вечеру.

— Если ты уселся на это сиденье лишь для того, чтобы исполнять роль няньки, то я предлагаю тебе отправиться внутрь и составить компанию Джорджу.

На последнем постоялом дворе Уиттингем настоял на том, чтобы самому взять поводья у юного кучера, поскольку тот боялся хлестнуть лошадей посильнее. Да и Уиттингем считал неправильным подвергать Джорджа превратностям жестокого климата из-за того, что сам же не подумал и в спешке решил собраться в дорогу, несмотря ни на что.

Кроме того, он не мог больше выносить пребывания в тесной карете — со скрюченными под неудобным углом ногами. В его левой ноге пульсировала ужасная боль — и неважно, что ставшее тому причиной огнестрельное ранение приключилось добрых десять лет назад. С тех пор, чтобы разбедить боль в ноге, было достаточно малейшего повода. Ограниченное пространство кареты, ухабистая дорога и жестокий холод гарантировали, что за свое решение Уиттингем заплатит сполна. Разве что могилу рыть не придется.

— Я лучше посижу тут — вдруг понадобится.

Очнувшись от мрачных размышлений, Уиттингем вернулся к разговору и одобрительно кивнул Коггзу. Настроение у него было мрачное — чернее, чем грозовые тучи, что вздымались на горизонте. Однако рычать на слугу, который добровольно терпел холод, чтобы оказать ему поддержку, было не в характере графа, в целом доброго малого.

— Ты уверен? Представляю, как Джордж укутал колени шерстяным одеялом, в ногах у него горячий кирпич...

Образ оказался слишком заманчивым, чтобы продолжать рисовать его в своем воображении. Уиттингем помассировал больную ногу и поглядел на небо. Если не разразится снежная буря, они доберутся до Лейтон-Хауса еще до наступления ночи. Но холод — это серьезное препятствие. Холод и сырость могут унести их на тот свет.

— Тебе следует ехать в карете. Я постучу по крыше, если ты мне понадобишься.

Камердинер тоже взглянул вверх и покачал головой.

— Далеко ли нам еще?

Уиттингем сразу же раскусил эту хитрую уловку Коггза — так слуга ловко обошел неудобный вопрос ранения, которое жестоко ограничивало возможности графа. Решительно этот парень заслуживал лучшего работодателя.

— По крайней мере еще час, если дорогу не заметет. Лейтон-Хаус стоит на землях вблизи западной границы Оксфордшира.

— Сразу видно гостеприимного хозяина! Пригласил вас по первому требованию.

— Согласен. — Уиттингем мотнул головой, убирая ото лба отросшую прядь волос. Он давно пренебрегал необходимостью стричься, как и прочими рутинными делами, проводя время за чтением книг. — Мои занятия имеют первостепенную важность.

— Мне это отлично известно.

— Ты, кажется, чем-то недоволен? — Уиттингем замедлил ход лошадей до бодрой рыси. Дорога пошла под уклон, вся покрытая каменистыми кочками да неровными ямами достаточного размера, чтобы туда провалилось лошадиное копыто — в таком случае он останется и вовсе без ноги. Все повторяется, отметил про себя граф и, как только дорога выровнялась, одним ударом поводьев снова пустил лошадей во весь опор, буквально рискуя сломать шею.

— Ничего подобного, — буркнул Коггз, тем не менее запахивая плотнее ворот сюртука в тщетной попытке

защититься от ветра. — Меня отнюдь не удивляет, отчего это вам не удается. В своих ученых занятиях вы никогда не отличались терпением. Стоит вам сформулировать гипотезу, и вы тотчас же бросаетесь на поиски доказательств. С чего бы теперь было иначе?

— Рад, что восемь лет службы не прошли для тебя даром, — ответил Уиттингем. — Право, ты неплохо меня изучил, однако пора бы тебе уже определиться. Не ты ли без конца твердишь, что я должен жить полной жизнью, идти навстречу новым приключениям и покончить с затворничеством, на которое меня обрекают ученые занятия? Но теперь, когда я следую твоему совету, ты, кажется, снова недоволен.

Но потом разговор почти иссяк. Уиттингем отдавал себе отчет в том, он может сойти за одержимого со своим образом жизни ученого-затворника и изрядно раздражать свою прислугу. Осознав факт своего увечья, он прошел академический курс. Ранение в колено подтачивало его здоровье, отнимая надежду, что он, подобно прочим джентльменам, когда-нибудь сможет наслаждаться галантными роскошествами. Верховую езду он еще мог терпеть, но не получал удовольствия, как прежде. О танцах речь вообще не шла. Как правило, боль говорила с ним тихим шепотом, напоминая таким образом об ошибке прошлого.

Но в иные дни — вот как сегодня — мышцы левой ноги крутило и сводило судорогой. Жестокое напоминание о его немощи, отчего, бывало, возникало немедленное желание вернуться домой, усестись в мягкое кресло возле камина и покорно умирать от скуки.

Но отступать Уиттингем не желал. Следовательно, приходилось мужественно сносить жестокие нападки боли. Никаких компромиссов в обстоятельствах, которые он не в силах изменить.

Не успел граф повторить себе эту безмолвную клятву, как порыв западного ветра дохнул на него ледяным холо-

дом, словно сам господь бог решил посмеяться над его глупым упорством.

Да уж. Уже завтра он дорого заплатит за сегодняшнее путешествие.

— Я искренне надеюсь, что вы найдете ответы на свои вопросы. Как верный ваш слуга, я делаю, что мне велено. Но как обычный человек, который сидит на месте кучера, до костей продрог и изрядно проголодался, я молю бога, чтобы это путешествие в никуда оправдало наши труды и лишения.

— Несомненно, Коггз, так и будет. — Уиттингем улыбнулся, хотя его губы занемели от холода. — Нельзя опубликовать статью в «Философских протоколах Королевского общества» без корректных доказательств. И я намерен провести исследование и опровергнуть выдвинутые обвинения хотя бы для того, чтобы отстоять правду. Допустим, лорд Тэлбот и разбирается в научной теории, но подробностей не знает, что возбуждает во мне любопытство и даже весьма основательные подозрения. Заявленная в статье гипотеза не подкреплена точными доказательствами, чего можно было бы ожидать от Тэлбота с его безупречной репутацией. Графу отказало чувство приличия, чтобы ответить на мои вопросы в письме, зато он совершенно неожиданно согласился встретиться со мной лично. Прекрасное начало, и я намерен дойти до устраивающего всех конца. Я не мог дожидаться, сидя в Лондоне, — вдруг Тэлбот передумает. Его приглашение было внезапным, но весьма настоятельным. И вот, пожалуйста. Невзирая на дурную погоду и внезапность нашего путешествия, выбора у меня не было никакого, кроме как действовать немедленно — сразу после получения его приглашения.

— И то правда.

— Возможно, ложные подозрения явились только следствием моей разборчивости, хотя Тэлбот лекций в Лондоне не читал, как не представил и доказательств, о которых сообщал в серии своих статей. А ведь прошло

столько лет с тех пор, как мы узнали о его выдающихся экспериментах! Любой академик захотел бы поделиться открытиями, а не держать их при себе. Никто в «Обществе интеллектуального развития» не может понять, откуда эта страсть к затворничеству. Организация объединяет избранных интеллектуалов во всей Англии, и возможность выступить там выпадает нечасто, тем более что предложение будет исходить от меня как председателя «Общества». — Уиттингем поглядел на небо, затем на дорогу, что простиралась перед ними. — А поскольку члены «Общества» продолжают подвергать сомнениям истинность заявленных притязаний, то подтверждение подлинности статьи и согласие графа на выступление в Лондоне — либо же разоблачение его как мошенника — поднимет мой авторитет в новой должности.

— Значит, в этой поездке в никуда вы ставите себе многоцелевую повестку. — Когз повернулся к хозяйину, вопросительно сдвинув брови.

— А что делать? — ответил Уиттингем. — Наука — это истина. Из-за вмешательства моей сестры мое назначение на должность председателя прошло отнюдь не гладко. Обнаружение факта ошибки и скороспелого толкования эксперимента станет убедительным доказательством того, что я подхожу для этой должности, обладаю достаточным знанием и умею его применять.

— Ясно. — Когз кивнул.

— А что, если Тэлбот — оставим пока его публикацию в покое — всего лишь шарлатан? Мечтатель? Человек, который ничего не смыслит в науке, зато умеет складно писать, жонглируя предположениями и мистифицируя доверчивые души. Вот это был бы интересный поворот, не так ли? — Он бросил на камердинера испытующий взгляд. — Так или иначе, но я собираюсь выяснить все.

Теодосия Лейтон, внучка графа Тэлбота, стояла перед лабораторным столом и внимательно смотрела на сте-

клянную мензурку, наполовину заполненную смесью колышущихся жидкостей. Она пробежала глазами дедушкины записи, нацарапанные на странице раскрытого журнала, проверяя, правильно ли отмерила объемы. Что-то должно было уже произойти, но прозрачная жидкость в мензурке оставалась в прежнем состоянии. Она отошла, огорченно вздохнув.

— Не знаю, Николаус, что здесь может быть не так. — Она не ждала ответа, поскольку он знал ее привычку думать вслух, когда она мерила шагами расстояние от стола до камина и обратно, чтобы сбросить напряжение ожидания. Заинтригованный Николаус подобрался к мензурке, сунул было туда нос, понюхал жидкость и отпрянул.

— Знаю. — Она понимала причину его отвращения. — Состав воняет жутко, но дедушка не оставил никаких пояснений относительно химической реакции. В его лабораторном журнале не хватает остальных страниц, а расчет приведен лишь наполовину. Так что я понятия не имею, как воспроизвести то, что нам нужно.

Ее разочарование и жалобы не заинтересовали Николауса, и он молча удалился. Теодосия проводила его взглядом, понимая, что обижаться не стоит. Воспроизвести эксперимент она пыталась уже несколько раз, и все безуспешно, хотя ее дед был самым знающим и дотошным ученым во всем Оксфордшире.

По крайней мере, она в это верила.

Что же она упустила в его записях? Теодосия отточила свои навыки наблюдения, научилась подмечать мельчайшие детали. Практика, отбор проб, зарисовка каждого доступного ей образца — так в ее голове сложился свод научных знаний. Память у нее была превосходная, дедуктивным методом она владела — поэтому мысль о том, что ей не удастся понять причину неудачи с экспериментом, приводила ее в бешенство.

Теодосия в полной растерянности подошла к окну и поглядела на злое тучи, которые заволокли небо.

Снег. Грядет снежная буря. Сильный ветер гнул макушку каштана — единственного дерева, которое пощадил случившийся несколько лет назад пожар. И ни единого живого существа — то ли в норы забились, то ли нашли укрытие под густыми шотландскими елями, высаженными по периметру графских владений. Даже воздух казался влажным и морозным, хотя Теодосия была в доме и наблюдала происходящее через оконное стекло. Условия явно предвещали обильные осадки. Позже она занесет свои наблюдения в журнал погоды — вечером, когда от усталости она только и сможет, что водить карандашом по бумаге.

Обильные снегопады усложняли даже элементарные дела. Перед обедом придется провести совещание с экономкой, миссис Мэвис, и удостовериться, что в доме достаточно провизии на случай, если их заметет на несколько дней. Однако они проживают слишком далеко от города, чтобы превратности погоды заставляли их врасплох. Съестное, свечи, дрова и все необходимое на каждый день — в доме обычно имелись надежные запасы. Работники конюшни устроят на ночь лошадей. Нужно будет собрать яйца в курятнике да еще позаботиться обо всех живых тварях.

С этими задачами Теодосия бы справилась играючи, однако неудача с сегодняшним экспериментом здорово обескураживала. Теперь же она только и могла, что пересматривать дедовы записи и пытаться понять ход его рассуждений. Почти год ушел на то, чтобы расшифровать его систему обозначений и изучить многие из самых сложных опытов. Но отсутствующие страницы... Вот это была трудная задача, выше ее понимания, пока Теодосия не поймет до конца теорию, которая стоит за его работой. Она пыталась расспрашивать деда, но он только отмахивался от ее вопросов, будто не понимая язык собственных записных книжек.

Вернувшись к лабораторному столу, Теодосия устала в раскрытый журнал. Как же нужны ей были эти от-

сутствующие страницы! Не хватало почти трети записей, да и текущая было неполной. Она провела пальцем по странице, по неразборчивым каракулям, стараясь не размазать графит дедова карандаша. Было бы ей с кем посоветоваться, кроме деда! Стоило закрыть глаза и как следует пожелать — и начинало казаться, что она слышит голоса родителей, хотя прошло столько лет. Неужели эти воображаемые голоса — всего лишь попытка смягчить бесконечную боль, что жила в ее сердце?

Родители погибли в огне почти двадцать лет назад. Дедушка на руках вынес маленькую Теодосию в безопасное место, подальше от пылающего имения. В возрасте пяти лет она оплакивала смерть отца и матери, но даже не могла представить себе одиночества, в котором ей предстояло жить отныне, несмотря на любовь бабушки и неумеренную заботу и доброту домашней прислуги.

Покачив головой, Теодосия заставила себя широко распахнуть глаза из опасения, что вот-вот расплачется. Она не станет углубляться в воспоминания. Только не сейчас. Чтобы отвлечься, она с шумом захлопнула журнал и отошла от стола. Предстояло заняться животными и еще до обеда решить несколько важных вопросов. Где же, однако, Николаус? Только глупец выйдет из дому в беспощадный зимний холод.

Ей нужно проведать бабушку, однако первым делом следует все же разыскать миссис Мэвис. Если непогода обрушит на Лейтон-Хаус свою немилость, подготовиться к худшему — это меньшее, что Теодосия может сделать.

ГЛАВА 2

Послушные понуканиям Уиттингема измученные лошади преодолели последний поворот и вылетели на гравийную подъездную аллею Лейтон-Хауса. Прибыли несколько позже, чем хотел Уиттингем, но ему следовало порадоваться, что семичасовое путешествие завершилось все-таки засветло. Последние несколько миль они ехали сквозь снегопад. Коггз сидел в карете, составив компанию кучеру Джорджу, так что Уиттингем успел привести мысли в порядок. В последней статье Тэлбота о соотношениях химических компонентов предусматривалось использование дефлогистированного воздуха. Серия научных опытов, описанных Тэлботом, производила, мягко говоря, неубедительное впечатление, и у графа накопился целый ворох вопросов относительно полученных результатов.

Научная дискуссия, однако, могла подождать до утра. В данную минуту Уиттингем желал лишь одного — соскочить с кучерских козел в поисках тепла и порции бренди. Если повезет, Тэлбот проявит себя гостеприимным хозяином в столь поздний час.

Натянув поводья, он остановил карету перед длинным рядом ступеней из известнякового камня. Навстречу бросились два лакея, и Джордж вернулся на свое законное место, чтобы следовать за лакеями на задний двор дома, где его серые лошадки найдут приют и заслуженный ужин. Уиттингем сумел преодолеть казавшийся бесконечным подъем по лестнице, обойдясь всего лишь

парой проклятий. К счастью, Коггзу достало приличия держать рот на замке.

Явился еще один лакей, который провел их через переднюю. Величественный холл сиял начищенными черными плитками пола и гладким белым мрамором. Несколько рожков на стенах и настольных ламп освещали путь теплым золотистым сиянием свечей. И наконец-то тепло — большего и желать было нечего. Мышцы свело от холода, сидячей позы и долгого путешествия. Уиттингем слишком сильно налегал на трость, не желая сдаваться — однако усталость начинала брать верх.

— Добрый вечер, джентльмены. — Дворецкий выступил вперед, а слуга поспешил принять у них пальто. — Я дворецкий Альбертс, к вашим услугам. Могу я узнать, какова цель вашего визита?

Вышколенный дворецкий сухо кивнул, принимая из рук Уиттингема визитную карточку.

— Прошу извинить за столь поздний приезд. Наше путешествие было затруднено вследствие погоды. Лорд Лейтон ожидает меня. — Он переминался с ноги на ногу, отчаянно надеясь на передышку — помимо полыхающего в камине огня — в надежде облегчить пульсирующую боль в ноге. Теперь, в доме, нога начала оттаивать — пусть и в переносном смысле. Лучше бы чертovy мускулы оставались задубевшими. По крайней мере, еще некоторое время.

— Я сообщу о вашем приезде. — Дворецкий отвернулся, указав влево. — Прошу сюда.

Больше он не сказал ничего, и Уиттингем с Коггзом последовали за ним, отставая на несколько шагов. Он понимал, о чем беспокоится его камердинер. Из-за онемевшей ноги и скользкой плитки походка графа была еще более неровной, чем обычно. Обернувшись через плечо, он взглядом напомнил Коггзу держать свои наблюдения при себе до тех пор, пока они не водворятся в отведенные им комнаты. Чтобы обезопасить себя окончательно, он прямо велел своему «парню на все руки»: